

Остров Сахалин

(из VIII главы)

<...> Южнее Александровска по западному побережью есть только один населенный пункт — Дуэ, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди. Это пост: население называет его портом. Основан он в 1857 г., название же его Дуэ или Дуй существовало раньше и относилось вообще к той части берега, где находятся теперь дуйские копи. В узкой долине, где он расположен, протекает мелкая речка Хойнджи. Из Александровска в Дуэ ведут две дороги: одна — горная, а другая — по берегу моря. Мыс Жонкиер всюю своей массой навалился на береговую отмель и проезд по ней

был бы невозможен вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посоветовавшись с инженером, без затей, и в результате вышло темно, криво и грязно. Сооружение это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужным, так как при существовании хорошей горной дороги нет нужды ездить по береговой, проезд по которой стеснен условиями отлива и прилива. На этом туннеле превосходно сказались склонность русского человека тратить последние средства на всякого рода выкрутасы, когда не удовлетворены самые насущные потребности. Рыли туннель, заведующие работами катались по рельсам в вагоне с надписью «Александровск-Пристань», а каторжные в это время жили в грязных, сырых юртах, потому что для постройки казарм не хватало людей.

Тотчас по выходе из туннеля у береговой дороги стоят солеварня и кабельный домик, из которого спускается по песку в море телеграфный кабель. В домике живет каторжный столяр, поляк, со своею сожительницей, которая, по рассказам, родила, когда ей было 12 лет, после того, как какой-то арестант изнасиловал ее в этапе. На всем пути к Дуэ обрывистый, отвесный берег представляет осыпи, на которых там и сям чернеют пятна и полосы, шириною от аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здесь, по описанию специалистов, сдавлены пластами песчаников, глинистых сланцев, сланцевых глин и глинистых песков, приподнятых, изогнутых, сдвинутых или сброшенных породами базальтовыми, диоритовыми и порфиоровыми, вышедшими во многих местах большими массами. Должно быть, это своеобразно красиво, но предубеждение против места засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом

месте. Верстах в семи берег прерывается расщелиной. Это Воеводская падь; здесь одиноко стоит страшная Воеводская тюрьма, в которой содержатся тяжкие преступники и между ними прикованные к тачкам. Около тюрьмы ходят часовые: кроме них, кругом не видно ни одного живого существа и кажется, что они стерегут в пустыне какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, в версте, начинаются каменноугольные ломки, потом с версту еще едешь голым, безлюдным берегом и, наконец, другая расщелина, в которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. В первые минуты, когда въезжаешь на улицу, Дуэ дает впечатление небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки, белые чистенькие домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатления не хватает только барабанной дроби. В домиках живут начальник военной команды, смотритель Дуйской тюрьмы, священник, офицеры и проч. Там, где короткая улица кончается, поперек ее стоит серая деревянная церковь, которая загораживает от зрителя неофициальную часть порта; тут расщелина двоится в виде буквы «игрек», посылая от себя канавы направо и налево. В левой находится слободка, которая прежде называлась Жидовской, а в правой — всякие тюремные постройки и слободка без названия. В обеих, особенно в левой, тесно, грязно, неудобно; тут уже нет белых чистеньких домиков; избышки, ветхие, без дворов, без зелени, без крылец, в беспорядке, лепятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горе. Участки усадебной земли, если только в Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы: у четырех хозяев в подворной описи показано ее только по 4 кв. саж. Тесно, яблоку упасть негде, но в этой тесноте и вони дуйский

палач Толстых все-таки нашел местечко и строит себе дом. Не считая команды, свободного населения и тюрьмы, в Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяев 46 и при них совладельцев 6. Большинство хозяев — каторжные. Что побуждает администрацию сажать на участки их и их семьи именно здесь, в расщелине, а не в другом месте, понять невозможно. Пахотной земли в подворной описи показано на все Дуэ только 1/8 дес., а сенокосов нет вовсе. Допустим, что мужчины заняты на каторжных работах, но что же делают 80 взрослых женщин? На что уходит у них время, которое здесь благодаря бедности, дурной погоде, непрерывному звону цепей, постоянному зрелищу пустынных гор и шуму моря, благодаря стонам и плачу, которые часто доносятся из надзирательской, где наказывают плетью и розгами, кажется длиннее и мучительнее во много раз, чем в России? Это время женщины проводят в полном бездействии. В одной избе, состоящей чаще всего из одной комнаты, вы застаете семью каторжного, с нею солдатскую семью, двух-трех каторжных жильцов или гостей, тут же подростки, две-три колыбели по углам, тут же куры, собака, а на улице около избы отбросы, лужи от помоев, заняться нечем, есть нечего, говорить и браниться надоело, на улицу выходить скучно — как все однообразно уныло, грязно, какая тоска! Вечером с работ возвращается муж каторжный; он хочет есть и спать, а жена начинает плакать и причитывать: «Погубил ты нас, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дети!» — Ну, завывла!» — проворчит на печке солдат. Уже все позаснули, дети переплакали и тоже утомонились давно, а баба все не спит, думает и слушает, как ревет море; теперь уж ее мучает тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же история.

Если судить только по одному Дуэ, то сельскохозяйственная колония на Сахалине обременена излишком женщин и семейных каторжных. За недостатком места в избах 27 семейств живут в старых, давно уже обреченных на снос постройках, в высшей степени грязных и безобразных, которые называются «казармами для семейных». Тут уже не комнаты, а камеры с нарами и парашами, как в тюрьме. По составу своему население этих камер отличается крайним разнообразием. В одной камере с выбитыми стеклами в окнах и с удушливым запахом отхожего места живут: каторжный и его жена свободного состояния; каторжный, жена-поселка и дочь; каторжный и его жена свободного состояния, поселенец-поляк и его сожительница каторжная; все они со своим имуществом помещаются в одной камере и спят рядом на одной сплошной наре. В другой: каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжная татарка и ее дочь; каторжный татарин, его жена свободного состояния и двое татарчат в ермолках; каторжный, жена свободного состояния и сын; поселенец, бывший на каторге 35 лет, но еще молодцеватый, с черными усами, за неимением сапог ходящий босиком, но страстный картежник; рядом с ним на нарах его любовница каторжная — вялое, сонное и жалкое на вид существо; далее каторжный, жена свободного состояния и трое детей; каторжный не семейный; каторжный, жена свободного состояния и двое детей; поселенец; каторжный, чистенький старичок с бритым лицом. Тут же по камере ходит поросенок и чавкает; на полу осклизлая грязь, воняет клопами и чем-то кислым; от клопов, говорят, житья нет... По этим варварским помещениям и их обстановке, где девушки 15 и 16 лет вынуждены спать рядом с каторжниками, читатель может судить, каким

неуважением и презрением окружены здесь женщины и дети, добровольно последовавшие на каторгу за своими мужьями и отцами, как здесь мало дорожат ими и как мало думают о сельскохозяйственной колонии.

Дуйская тюрьма меньше, старее и во много раз грязнее Александровской. Здесь тоже общие камеры и сплошные нары, но обстановка беднее и порядки хуже. Стены и полы одинаково грязны и до такой степени потемнели уже от времени и сырости, что едва ли станут чище, если их помыть. По данным медицинского отчета за 1889 г., на каждого арестанта приходится здесь воздуха 1,12 куб. саж. Если летом, при открытых окнах и дверях, пахнет помоями и отхожим местом, то, воображаю, какой ад бывает здесь зимою, когда внутри тюрьмы по утрам находят иней и сосульки <...>

В Дуэ всегда тихо. К мерному звону кандалов, шуму морского прибора и гуденью телеграфных проволок скоро привыкает ухо и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее. Печать суровости лежит не на одних только полосатых столбах. Если бы на улице кто-нибудь невзначай засмеялся громко, то это прозвучало бы резко и неестественно. С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо жестоких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно. Бывает поэтому странно, когда среди тишины раздается вдруг пение дуйского чудака Шкандыбы. Это каторжный, старик, который с первого же дня приезда своего на Сахалин отказался работать и перед его непобедимым, чисто звериным упрямством спасовали все принудительные меры; его сажали в темную, несколько раз секли, но он стоически выдерживал наказание и после каждой

эзекуции восклицал: «А, все-таки, я не буду работать!» Повозились с ним и, в конце концов, бросили. Теперь он гуляет по Дуэ и поет.

Добыча каменного угля, как я уже сказал, производится в версте от поста. Я был в руднике, меня водили по мрачным, сырым коридорам и предупредительно знакомили с постановкой дела, но очень трудно описать все это, не будучи специалистом. <...>

В настоящее время дуйские копи находятся в исключительном пользовании частного общества «Сахалин», представители которого живут в Петербурге. По контракту, заключенному в 1875 г. на 24 года, общество пользуется участком на западном берегу Сахалина на две версты вдоль берега и на одну версту в глубь острова; ему предоставляются бесплатно свободные удобные места для склада угля в Приморской области и прилегающих к ней островах; нужный для построек и работ строительный материал общество получает также бесплатно, ввоз всех предметов, необходимых для технических и хозяйственных работ и устройства рудников, предоставляется беспошлинно, за каждый пуд угля, покупаемый морским ведомством, общество получает от 15 до 30 коп.: ежедневно в распоряжение общества командирится для работ не менее 400 каторжных; если же на работы будет выслано меньше этого числа, то за каждого недостающего рабочего казна платит обществу штрафу один рубль в день; нужное обществу число людей может быть отпущаемо и на ночь.

Чтоб исполнять принятые на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержит около рудников две тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду в 340 человек, что ежегодно обходится ей в 150 тысяч рублей.

Разработка копей ведется недобросовестно, на кулаческих началах. «Никаких улучшений в технике производства или изысканий для обеспечения ему прочной будущности не предпринималось, — читаем в докладной записке одного официального лица, — работы, в смысле их хозяйственной постановки, имели все признаки хищничества, о чем свидетельствует и последний отчет окружного инженера». Горного инженера, которого общество обязано иметь по контракту, нет, и копиями заведует простой штейгер. Что касается платежей, то и тут приходится говорить только о том, что в своем докладе только что упомянутое официальное лицо именуется «признаками хищничества». И копиями и трудом каторжных общество пользуется бесплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платит; представители другой стороны, ввиду такого явного правонарушения, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлят и, мало того, продолжают еще расходовать 150 тысяч в год на охрану доходов общества, и обе стороны ведут себя так, что трудно сказать, когда будет конец этим ненормальным отношениям. Общество засело на Сахалине так же крепко, как Фома в селе Степанчикове, и неумолимо оно, как Фома. К 1 января 1890 г. оно состояло должным казне 194337 р. 15 к.: десятая же часть этих денег по закону приходится на долю каторжных, как вознаграждение за труд. Когда и как рассчитываются с дуйскими каторжниками, кто им платит и получают ли они что-нибудь, мне неизвестно.

Ежедневно назначается на работы 350—400 каторжных, остальные же 350—400 из живущих в Дуйской и Воеводской тюрьмах составляют резерв. Без резерва же не обойтись, так как в контракте оговорены на каждый день «способные к труду» каторжные. Назначенные на

работы в руднике в пятом часу утра, на так называемой раскомандировке, поступают в ведение рудничной администрации, то есть небольшой группы частных лиц, составляющих «контору». От усмотрения этой последней зависит назначение на работы, количество и степень напряжения труда на каждый день и для каждого отдельного каторжника: от нее, по самой постановке дела, зависит наблюдать за тем, чтобы арестанты несли наказание равномерно; тюремная же администрация оставляет за собою только надзор за поведением и предупреждение побегов, в остальном же, по необходимости, умывает руки.

Имеются два рудника: старый и новый. Каторжные работают в новом; тут высота угольного пласта около 2 аршин, ширина коридоров такая же; расстояние от выхода до места, где теперь происходит разработка, равняется 150 саж. Рабочий с санками, которые весят пуд, взбирается ползком вверх темным и сырым коридором: это самая тяжкая часть работы; потом, нагрузив сани углем, возвращается назад. У выхода уголь нагружается в вагонетки и по рельсам доставляется в склады. Каждый каторжный должен подняться вверх с санками не менее 13 раз в день — в этом заключается урок. В 1889—90 г. каждый каторжный добывал, в среднем, 10,8 пуда в день — на 4,2 пуда меньше нормы, установленной рудничною администрацией. В общем, производительность рудника и рудничных каторжных работ не велика: она колеблется между 1 ¹/₂ и 3 тыс. пудов в день.

В Думских копиях работают также поселенцы по вольному найму. Поставлены они в более тяжелые условия, чем каторжные. В старом руднике, где они работают, пласт не выше аршина, место разработки находится в 230 саж. от выхода, верхний слой пласта

дает сильную течь, отчего работать приходится в постоянной сырости; живут они на собственном продовольствии, в помещении, которое во много раз хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это труд их гораздо производительнее каторжного — на 70 и даже на 100%. <...> С самого основания Дуэ ведется, что бедняки и простоватые работают за себя и за других, а шулера и ростовщики в это время пьют чай, играют в карты или без дела бродят по пристани, позвякивая кандалами, и беседуют с подкупленным надзирателем. На этой почве здесь постоянно разыгрываются возмутительные истории. Так, за неделю до моего приезда один богатый арестант, бывший петербургский купец, присланный сюда за поджог, был высечен розгами будто бы за нежелание работать. Это человек глуповатый, не умеющий прятать деньги, неумеренно подкупавший, наконец, утомился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и как-то в недобрый час наотрез отказал обоим. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вот-де такой-то не хочет работать, этот приказал дать 30 розог, и палач, разумеется, постарался. Купец, когда его секли, кричал: «Меня еще никогда не секли!» После экзекуции он смирился, заплатил надзирателю и палачу и, как ни в чем не бывало, продолжает нанимать вместо себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничных работ заключается не в том, что приходится работать под землей в темных и сырых коридорах, то ползком, то согнувшись; строительные и дорожные работы под дождем и на ветре требуют от работника большего напряжения физических сил. И кто знаком с постановкой дела в наших донецких шахтах, тому дуйский рудник не покажется страшным. Вся исключительная тяжесть не в самом труде, а в обстановке, в тупости и

недобросовестности всяких мелких чинов, когда на каждом шагу приходится терпеть от наглости, несправедливости и произвола. Богатые чай пьют, а бедняки работают, надзиратели у всех на глазах обманывают свое начальство, неизбежные столкновения рудничной и тюремной администраций вносят в жизнь массу дрызг, сплетней и всяких мелких беспорядков, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольных, по пословице: паны дерутся — у хлопцев чубы болят. А между тем каторжник, как бы глубоко он ни был испорчен и несправедлив, любит всего больше справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше его, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие. Сколько благодаря этому на каторге пессимистов, угрюмых сатириков, которые с серьезными, злыми лицами толкуют без умолку о людях, о начальстве, о лучшей жизни, а тюрьма слушает и хохочет, потому что, в самом деле, выходит смешно. Работа в дуйских рудниках тяжела также потому, что каторжник здесь в продолжение многих лет без перерыва видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель между глинистым берегом и морем.

Около рудничной конторы стоит барак для поселенцев, работающих в копях, небольшой старый сарай, кое-как приспособленный для ночевки. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченные, точно всю ночь у этих людей происходила драка, лица желто-серые и, спросонья, выражения, как у больных или сумасшедших. Видно, что они спали в одежде и сапогах, тесно прижавшись друг к другу, кто на наре, а кто и под нарой, прямо на грязном земляном полу. По словам

врача, ходившего со мной в это утро, здесь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3—4 человека. Между тем, это было как раз в то время, когда на Сахалине ожидали холеру и для судов был назначен карантин.

В это же утро я был в Воеводской тюрьме. Она была построена в семидесятых годах, и для образования площади, на которой она теперь стоит, пришлось срывать гористый берег на пространстве 480 кв. саж. В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная, которая уцелела от реформы вполне, так что может служить точною иллюстрацией к описаниям старых порядков и старых тюрем, возбуждавших когда-то в очевидцах омерзение и ужас. Воеводская тюрьма состоит из трех главных корпусов и одного малого, в котором помещаются карцеры. Конечно, о кубическом содержании воздуха или вентиляциях говорить не приходится. Когда я входил в тюрьму, там кончали мыть полы, и влажный, промозглый воздух еще не успел разрядиться после ночи и был тяжел. Полы были мокры и неприятны на вид. Первое, что я услышал здесь, это — жалобы на клопов. От клопов житья нет. Прежде их изводили хлорною известью, вымораживали во время сильных морозов, но теперь и это не помогает. В помещениях, где живут надзиратели, тоже тяжкий запах отхожего места и кислоты, тоже жалоба на клопов.

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные к тачкам. <...>

*Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем.
Т. 14—15. С. 127—142.*